

По улице Бродского

Иосиф приехал в Москву... Нет, сначала приехал Илья Авербах (давно уже покойный) и привез стихи до того нам неизвестного поэта. Как раз тогда Алик Гинзбург готовил третий, ленинградский выпуск "Синтаксиса" — и стал первым издателем Иосифа Бродского. (Хотя и не его одного.) А я в этом участвовала как машинистка.

Иосиф приехал поздней осенью того же 60-го года, когда Алик уже сидел за "Синтаксис". Он позвонил мне, назвал себя — я сказала, что знаю, кто он, знаю его стихи. Мы разговаривали, гуляя по дождливым (так мне помнится — дождливым, а если забыла, то уже некому поправить) московским улицам, потому что у меня дома не было даже того пространства, какое было у него в Ленинграде, в ныне знаменитых "полутора комнатах". Разговаривали, разумеется, о стихах, о поэтах.

Разница в четыре года в том возрасте (20 и 24) весьма увесиста, к тому же я была в Москве уже "известная поэтесса", хоть и не успела напечататься в "Синтаксисе". Одним словом, приехал молодой поэт представиться мэтру. Тем не менее, на "вы" он ко мне обращаться, видимо, не хотел, а сразу на "ты" ленинградская воспитанность не позволяла. И разговаривал он на польский манер: "А каких поэтов Наташа любит?"

Мы договорились, что, как только я приеду на зимнюю сессию (я училась заочно на ленинградском филфаке), он меня познакомит со своими друзьями-поэтами.

Как оказалось, он был тогда среди них — или чувствовал себя — еще не вполне равным, мальчишкой. Или из гордости опасался, что ему могут указать такое место. Поэтому, хотя с Димой Бобышевым Иосиф познакомил меня сразу, к Рейнам повести не решился.

— Позвони им и скажи, что ты знакомая Сережи Чудакова.

Рекомендация довольно сомнительная (это оказалось неважно — меня там заочно знали). А о Чудакове Иосиф позднее написал "На смерть друга". Но тот выплыл из небытия — оказался жив.

И все-таки окончательно эта четверка поэтов — впрочем, кроме Димы, друга с первой минуты, — вполне признала меня только вслед за Ахматовой (Найман, конечно, и потом еще долго колебался). Но и правда, от множества написанного до 62-го года я мало что оставила в живых, зато к Ахматовой пришла со стихами что надо. У Лидии Корнеевны есть упоминание о том, как Бродский ночевал в Москве у Корниловых и проспирит всю ночь с Володей. А спорили они из-за меня — из-за моего "Бартока" ("Концерт для оркестра"), который, впрочем, оба знали наизусть. Что не помешало Иосифу, когда в "Ардиесе" он держал корректуру моей книги "Побережье" (честное слово, так и написано: "Корректор И. Бродский"), пропустить именно в этом стихотворении целую строку...

В 63-м году летняя сессия у меня была в мае, и я праздновала день рождения в Ленинграде. Бродский пришел с подарком в виде экспромта: "Петропавловка и Невский без ума от Горбаневской". Уже в эмиграции, поздравляя его с очередным днем рождения, я напомнила ему, что мы оба — близнецы, только моя дата рождения — на два дня позже. Он задумчиво промолчал,

казалось бы, банальную фразу: "В мае родился — значит, нам маяться", — но прозвучало это совсем не банально.

В тех самых "полутора комнатах" он мне подробно — можно сказать, структурно — рассказывал еще лежавшего в черновиках "Исаака и Авраама". Например, про КУСТ — что будет значить каждая буква. Все точно как потом в поэме, но рассказывал. Это меня поражало: я не знала — и до сих пор плохо понимаю, — что стихи пишутся еще и так, что поэт заранее все знает и планирует. (Но можно вспомнить и пушкинские планы.)

Когда Иосиф уже был в ссылке, меня позвали читать стихи во ФБОН. И я там, помимо своих, прочла еще большой отрывок из "Исаака и Авраама". Я его "пропагандировала", и не только потому что он в ссылке.

Уже тогда для меня он стал "первым поэтом" среди нас, а после смерти Ахматовой — и просто первым. Сейчас у меня такое ощущение потерянности, как бывает, когда умер старший в роде.

И в тех же "полутора комнатах" — то есть, надо понять, не во всех полутора, а в своем отгороженном углу — плакался он мне (слово "плакался" — не преувеличение) в январе 64-го года, когда друг-поэт увел у него Ма-

М.Б. — он написал не столько даже горькие, сколько злые, последние посвященные ей стихи. Они были среди присланных в "Континент". Максимов смутился: "Можно ли так о женщине, которую все-таки любил?" Я тоже смутилась, позвонила.

— Так надо, — отрезал Иосиф. Стихи были напечатаны.

Друга он не простил никогда. (Да и тот его тоже.) Правда, в одну из наших встреч в Париже Иосиф вдруг принялся как-то славно, ласково вспоминать о нем, только неожиданно называя "Митя" (верно, так Марина его звала). Но на встрече "Континента" в Милане, когда узнал, что там будет Дима, отказался приехать.

— Нет. Не могу его видеть.

На Бродского уже завели дело. Грозил неминуемый арест. Все его уговаривали срочно уезжать из Ленинграда. Но он оставался — ждал возвращения Марины. Вернулась она к нему уже в ссылке.

О приговоре Иосифу вечером в день суда сообщил Витя Живов в антракте концерта ансамбля старинной музыки Андрея Волконского. Отсюда в "Три стихотворения Иосифу Бродскому" попал Телеман — он был в программе вечера.

Один раз он написал мне из ссылки — просил растворимого кофе. Правда, просьба о кофе

рину Басманову. Я только что впервые попала в немецкие залы Эрмитажа (обычно закрытые, потому что не хватало зрителей) и сказала, что краповая Венера напомнила мне Марину.

— Я всегда говорил ей, — воскликнул Иосиф, — "ты — радость Крапаха".

Много лет спустя — видно, чтобы до конца изжить былую, но не отпускавшую его любовь к

была в конце письма, а письмо на четырех страницах. Пропало — думаю, захватили на последнем обыске, в папке без описи, куда валили что ни попадя, обещая, что во время следствия вызовут понятых и составят протокол. Но не вызвали и не составили.

После ссылки мы виделись издалека на похоронах Ахматовой

На смерть Иосифа Бродского

Смерть может обернуться для других немой отчаянья. Смерть большого поэта обращается смиренной невозможностью говорения, свидетельствующей о праве этого поэта на бессмертие. Поэтому в своей невозможности найти единственные слова для выражения скорби по поводу кончины Иосифа Бродского, этого "солнца" не только русской поэзии, но уже и вселенской, хочется вспомнить его собственные слова на смерть Томаса Элиота:

*Он умер в январе, в начале года.
Под фонарем стоял мороз у входа...*

*...Без злых гримас, без помышленья злого,
из всех щедрот Большого Каталога
смерть выбирает не красоты слога,
а неизменно самого певца.
Ей не нужны поля и перелески,
моря во всем своем великольном блеске;
она щедря, на небольшом отрезке
себе позволив накоплять сердца.*

*...Склоняя лица сонные свои,
Америка, где он родился, и —
и Англия, где умер он, улыбки,
стоят по сторонам его могилы.
И туч плывут по небу корабли.*

Но каждая могила — край земли.

Петербург, Нью-Йорк и Венеция — это три края земли, стоящие у могилы Иосифа. Из Парижа Галина Маневич и Эдик Штейнберг словами ушедшего поэта высказывают свою невыразимую скорбь.

Семье Иосифа Бродского

Скорбную весть о кончине Иосифа Бродского мы узнали в день похорон нашего отца, поэта Юрия Левитанского, 28 января.

Папа считал Иосифа Александровича великим посвященным. А мы всегда будем помнить, что жизнь нашего отца была продлена на 5 лет благодаря операции. большую часть которой оплатил Иосиф Бродский.

В этой скорбной эстафете смертей — трагическая, непостижимая переключка поэтических мистерий.

Разрешите разделить ваше горе утраты со всем пронзительным личным опытом скорбного прощания.

Слово поэзии Бродского драгоценно, трагично и триумфально.

ЕКАТЕРИНА, АННА, ОЛЬГА ЛЕВИТАНСКИЕ.